

Взгляды пересеклись. Бай Цинюнь уже собрался заговорить, но обомлел: по щекам Е Цинхэ из уголков глаз медленно покатались две слёзные дорожки.

В голове Бай Цинюня пронёсся табун диких коней, а в расширившихся от ужаса глазах застыл немой шок.

В то же мгновение в его разуме с молниеносной скоростью выстроилась роковая цепочка: Довёл главного героя до слёз → Оставил паршивое впечатление → Взлелеял чудовищную ненависть → Заработал мучительную смерть без права на погребение.

На скорости света отдёргнув бесстыдный палец, Бай Цинюнь неловко выдавил:

— Ты... как себя чувствуешь?

От собственных слов его чуть не скрутило от стыда.

Каково, а? Главный виновник чужих увечий с невинным видом интересуется здоровьем жертвы — чистейшей воды провокация!

Первый блин комом, да ещё и с треском наступил на грабли. Бай Цинюнь успел лишь мысленно оплакать своё беспросветное будущее, как лежащий на койке юноша вдруг рванулся вперёд и вихрем врезался прямо ему в грудь.

К нему прижалось тёплое, податливое тело, а в нос ударил едва уловимый, чистый аромат мыльного корня. Даже у Бай Цинюня на миг замёрзло сердце, по которому пробежала невольная дрожь.

Но не успело это ощущение рассеяться, как у самого уха раздался едва слышный, сбивчивый шёпот:

— Матушка...

«Матушка?!»

Бай Цинюнь застыл, словно поражённый громом.

«Я — холостой, юный бессмертный заклинатель! И с какого перепугу я вдруг стал матерью?!»

Взирая на свежееобретённого «сынка», он наконец сообразил, к какому сюжетному повороту занесли его бессмертные покровители.

Как известно, у любого главного героя в подобных историях детство — беспросветная драма.

Е Цинхэ рос сиротой без роду и племени. С малых лет он выживал в глухой деревне, доедая обноски и копаясь в помоях. За счастье считалось поймать в речке мелкую одёжку или выкопать в горах пучок дикой зелени — вот и весь праздничный обед. Забитый, терпящий постоянные побои и издевательства, он роду человеческому был чужд и ни от кого не видел ни капли тепла, а уж о родительской ласке и вовсе знать не мог.

Лишь однажды в детстве он мельком увидел, как деревенская женщина нежно обнимала и утешала его сверстника. Эта сцена намертво врезалась юноше в память, став заветной мечтой.

В оригинальном романе был похожий эпизод: юному Е Цинхэ приснилась мать, которую он никогда не знал, и он в слезах проснулся посреди ночи, где случайно встретил младшую сестру Линьсюань. Под лунным светом юноша и дева делились сокровенным, и между ними зародилось первое чистое чувство... Какая возвышенная, трогательная романтика!

Вот только романтика предназначена для пылких юношеских сердец, а не для него — злобного пушечного мяса и главного злодея. Не дай бог Е Цинхэ опомнится и поймёт, что перед ним не «матушка», а его мучитель. Тогда к прежним обидам добавится смертельное оскорбление, и парень порубит его на фарш и спустит рыбам.

Бай Цинюнь пробил холодный пот. Он попытался аккуратно отстранить юношу, да не тут-то было: хоть Е Цинхэ и выглядел хлипким да болезненным, силой природа его не обделила.

Бай Цинюнь и надавить боялся, и высвободиться жаждал.

«Да какая я тебе матушка!» — вопил он про себя, сгорая от досады. О таких биологических аномалиях у бессмертных мужей он отродясь не слыхивал!

Пока он мысленно стenal, по животу разлился едва ощутимый холодок. Опустив взгляд, Бай Цинюнь заметил, что ткань одеяний на его животе потемнела от влаги, а из груди прижавшегося юноши доносились тихие, сдавленные всхлипы.

Чёрт! Опять эти слёзы! Но его-то, закалённого заклинателя, соплями не прошибёшь, пара слезинок не заставит его сдаться! Если только...

Бай Цинюнь опустил глаза. Перед ним было утончённое, слегка порозовевшее лицо Е Цинхэ. Из-за угла обзора открывался лишь профиль, но прозрачная слезинка, скатившаяся по аккуратной родинке возле глаза, казалась каплей росы на лепестке лотоса — нежной и безупречно чистой.

... Если только ты не чертовски красив.

Бай Цинюнь и сам не понял, как это вышло, но спустя мгновение его рука уже неловко поглаживала Е Цинхэ по спине.

Движения выходили топорными: то слишком сильно, то едва касаясь, то не попадая. Любого другого от такой «ласки» разразилась бы истерика, но Е Цинхэ, напротив, постепенно затих, свернулся калачиком и уткнулся носом ему в грудь.

Такая покорность волей-неволей вызывала сочувствие.

Поглаживая парня по спине, Бай Цинюнь разглядывал его: юноша находился на той самой грани, когда отрочество сменяется юностью. Изябшие тонкие запястья, длинные руки и ноги... Выглядел он высоким, но в руках казался почти невесомым.

Взгляд зацепился за заострённый подбородок и впалые щёки — казалось, даже заклинательницы из секты Тяньи выглядели плотнее и крепче этого заморыша. Бай Цинюнь всерьёз заподозрил, что прежний владелец тела попросту заморил парня голодом — иначе как объяснить, что за полгода жизни в секте Тяньи тот не набрал ни жиринки?

«Надо будет при случае потряхнуть внешних учеников, отвечающих за кухню», — подумал он. За этими размышлениями и неловкими поглаживаниями незаметно прошло полчаса, и лишь тут Бай Цинюнь опомнился: всхлипы давно утихли.

Слегка переведя дух и решив, что мальчишка наконец уснул, Бай Цинюнь вознамерился уложить его обратно на ложе. Но стоило ему наклониться, как Е Цинхэ внезапно распахнул глаза — тёмные, чистые и удивительно ясные. Он смотрел прямо на него, не мигая.

Бай Цинюнь онемел. Он несколько раз хлопотно зажмурился, убеждая себя, что это галлюцинация и парень спит, но в следующее мгновение юноша в его руках... точно так же хлопнул ресницами.

Глубоко вздохнув, Бай Цинюнь молча переложил его на кровать и натянул одеяло прямо ему на лицо.

«Эх, что за молодёжь пошла... И охота им спать с открытыми глазами?»

Бай Цинюнь одеревенел и вознамерился дать дёру, но не успел он сделать и шага, как из-под одеяла выскочила рука и с мёртвой хваткой вцепилась ему в предплечье. От резкого рывка Бай Цинюнь потерял равновесие, завалился назад и грохнулся прямо на ложе, со сшибающим искры из глаз треском задев затылком деревянное изголовье.

Его лицо скривилось: затылок мгновенно налился болью, там явно вздулась шишка.

На узкой койке кое-как помещались двое взрослых мужчин. Сзади — холодная, нетёсаная

стена, спереди — юноша с ликом подобным чистому нефриту, чьё теплое дыхание колыхало волосы на лбу. Бай Цинюнь застыл, хлопая глазами и успев лишь восхититься глубиной чужого взгляда, как Е Цинхэ ловко повернулся и накрыл его собой.

Милое соседство моментально превратилось в жесткий захват. Юноша мёртвой хваткой сжал его запястья, прижимая к матрасу так, что и пальцем было не шевельнуть. Его смоляные глаза хищно блестели, а пристальный взгляд скользил по шее, словно примериваясь, где удобнее перебить артерию.

Бай Цинюня пробрала дрожь: если бы взглядом можно было убивать, в его горле уже зияло бы с десяток кровавых дыр.

«Главный герой, ничего не скажешь... Напор просто чудовищный!»

К счастью, до кровопролития дело не дошло. Окинув лежащего под ним человека пронзительным взглядом, Е Цинхэ ровным, неприязненным голосом произнес:

— Не знал, что меня навестит Цзинмин-цзюнь. Прошу простить за неучтивость.

Принося извинения, он говорил ледяным, отстранённым тоном. Каждое слово звучало неспешно, но разило морозным холодом.

Будь на месте Бай Цинюня кто другой, у него давно бы мурашки побежали по коже, но тот всё ещё переваривал предыдущие события.

— Цзинмин-цзюнь? — ляпнул он прежде, чем успел подумать. — А как же «матушка»?

Сколько у него вообще личин?

Сие непотребное напоминание мигом оживило воспоминания юноши. Вспомнив собственный позор, Е Цинхэ мгновенно помрачнел и застыл.

Положение оставалось более чем двусмысленным: тяжесть чужого тела давила сверху, и как бы ни был худ Е Цинхэ, поясница Бай Цинюня уже готова была развалиться напополам.

Во имя выживания Бай Цинюнь твёрдо намеревался стелиться перед главным героем ковром, услужливо подавать чай и во всем уступать, а потому сначала решил промолчать и дать слово юноше.

Но тот, похоже, возомнил его мягким тюфяком и не спешил слезать! Вот только у этого тюфяка имелась спина, и она вопила о пощаде.

Делать нечего. Собравшись с духом, Бай Цинюнь осторожно потянул Е Цинхэ за рукав:

— Младший брат... Не мог бы ты сначала встать, а потом уже разговаривать?

Е Цинхэ одарил его тягостным, темнее тучи взглядом, сжал губы, поджал брови, но всё же поднялся.

— Цинхэ сам отправится в водную тюрьму и примет наказание.

Что бы ни было в прошлом, в этот раз проступку не было оправдания.

С этими словами Е Цинхэ развернулся, намереваясь уйти, но Бай Цинюнь в панике окликнул его:

— Поймай, не уходи! — с мертвенно-бледным лицом выдохнул он. — Протяни руку... Кажется, у меня поясницу заклинило.

Заклинатель — и вдруг заклинило поясницу?

Е Цинхэ нахмурился, пытаясь разгадать очередной коварный замысел, но мгновенно оторопел, встретившись с ним взглядом.

Повелитель Ясного Света из секты Тяньи всегда славился своей безупречной, исполненной достоинства внешностью. Но на деле он был человеком мелочным и желчным, смотрел на всех свысока, а во взгляде его вечно таился ледяной яд, способный пронзить насквозь.

Однако сейчас в этих глазах, прежде полных лишь зависти да злобы, плескалась удивительная мягкость. Очи казались глубокими, точно две чёрные жемчужины — чистыми и настолько лучистыми, что невозможно было отвести взор.

Словно звёздный свет упал в пиалу с чаем, и от лёгкого всплеска отражённый диск луны рассыпался на тысячи осколков.

Тихий болезненный стон Бай Цинюня вернул юношу к действительности. Опустив взор, Е Цинхэ взял кусочек чистой ткани, обернул им ладонь и, подойдя ближе, помог Бай Цинюню подняться и усадил его на единственный в камерке деревянный табурет.

Поддерживая старшего, он невольно посмотрел на его руку, лежащую поверх белой ткани. Пальцы были тонкими и длинными, а кожа — белой, словно драгоценный нефрит.

Вдруг перед глазами снова всплыло, как именно эта рука совсем недавно неловко гладила его

по спине и заботливо укрывала одеялом.

Е Цинхэ поспешно отвёл взгляд. Бай Цинюнь же, не смея занимать чужую койку, разгладил простыни и старательно взбил подушку, демонстрируя предельную услужливость.

«Вот, видишь? Я твоё место не просто так занимал! Я хороший, за собой всё убрал!»

Наблюдавший за этой суетой Е Цинхэ на мгновение почувствовал, будто старший брат выставлял свои действия напоказ.

«Показалось», — подумал он и всё так же отстранённо проговорил:

— Цинхэ признаёт свою вину.

От этих слов Бай Цинюнь мысленно тяжело вздохнул. Глядя на то, как юноша с бледным лицом и сжатыми губами выпрямил спину, он на миг почувствовал себя развратником, силою принуждающим невинную девицу к покорности.

С такой-то утончённой внешностью Е Цинхэ картина и впрямь выходила чрезвычайно двусмысленной!

— Ладно уж, — пробормотал Бай Цинюнь, сгорающий под чужим взглядом от неловкости. — Коли ты и впрямь осознал проступок, я назначу наказание.

«Началось», — подумал Е Цинхэ и вытянулся в струнку.

— Слушаю ваше повеление, Цзинмин-цзюнь.

— В качестве наказания... — Бай Цинюнь смерил его взглядом и с хитринкой прищурился. — Запрещаю тебе отныне величать меня Цзинмин-цзюнем. Называй меня старшим братом, как и прочие ученики.

Е Цинхэ, уже перебравший в уме плети, дисциплинарную розгу и заточение в ледяном источнике, ошеломлённо замер.

Бай Цинюнь поджал губы, откашлялся и приготовился к глубокому актерскому погружению.

— Тебе, должно быть, неизвестно, — вздохнул он, — но на днях я оступился и сорвался с кручи, после чего долго пролежал без чувств. Однако нет худа без добра: в том небытии сошло на меня небесное откровение, омывшее мою душу от скверны. Очнувшись от этого тяжкого сна и помыслив о прошлом, я с ужасом осознал, насколько был черств и несправедлив.

С этими словами Бай Цинюнь незаметно ужалил себя за бедро до слёз в глазах и, призвав на помощь весь свой драматический талант, прочувствованно произнёс:

— Младший брат... Всё, что было прежде — моя вина. Старший брат перед тобой кругом виноват.

Игра выходила топорной, а оправдания — пришитыми белыми нитками.

Но ведь это мир культивации! Здесь сплошь и рядом случаются внезапные прозрения и просветления. К тому же Е Цинхэ ещё юн и наивен, вступил на путь бессмертия совсем недавно и жизни толком не знает.

Значит, легенда должна сработать!

Так он себе мыслил, пока не заметил, что юноша смотрит на него молча и с непередаваемым выражением... словно перед ним сидел редкий дурачок.

Чёрт! Бай Цинюнь одеревенел. Неужели настолько неправдоподобно?!

Е Цинхэ произнёс без единой эмоции:

— Цзинмин-цзюню не стоит изволить шутить.

Е Цинхэ не поверил! После столь блестящего монолога — и не поверил?!

«Постойте-ка, ему ведь всего шестнадцать, самый невинный возраст! Отчего же он держится так, будто за километр чует подвох?»

В безупречности своей игры Бай Цинюнь не сомневался, а стало быть...

Он хлопнул в ладони и просиял:

— Понял! Ты всё-таки хочешь называть меня матушкой?

Что ж, пусть разница в возрасте и поле слегка смущала, но если такова воля главного героя, Бай Цинюнь готов был пойти на эту жертву. В конце концов, против сценария не попрёшь!

Е Цинхэ снова помрачнел и отчеканил по слогам:

— Ни. Чуть. Не. Хочу.

<http://bllate.org/book/20397/2105752>